

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Гарий НЕМЧЕНКО

СТО
ШАГОВ киноповесть

Тот побежал по бумаге глазами, почти тут же оторвал их:

— Мне говорили об этом акте.

— А-акт! — сказал Веденин насмешливо и потряс бумажкой. — Нравится?..

— Нравится, — твердо сказал Ступин. — Теперь по крайней мере все ясно.

— А до этого ты еще сомневался? — спросил Веденин.

Вошел Брагин, бросился к Веденину:

— Николай Фадеич!

— Времени в обрез, — сказал Веденин, протягивая ему бумагу. — Давай без нежностей.

— Знаю! — откликнулся тут же Брагин.

Веденин посмотрел на Нину Павловну.

— Ну, а если вы в курсе, за чем остановка? — как о деле давно решенном, заговорил он. — Ступин останется на площадке. Не потому, что он хороший, а Брагин плохой, а потому, что это надо для дела — он начальник цеха... Брагин поедет вместе со всеми в дом отдыха водку пить. Не потому, что он опять же плохой, а Ступин хороший — для дела так будет лучше. Директора своего поддержишь, Перчаткина... Ему пока не говорите. Врать, слава богу, не умеет и будет мучиться... Вопросов нет?.. Начали!

В другом тепляке почище и попросторнее — тут разместился штаб надвиги — грелись горячим чайком озябшие на морозе инженеры, руководители монтажников, заводское начальство, представители городских властей.

С подносом, на котором в дорогих подстаканниках стояли хрустальные стаканы, бесшумно двигалась вокруг широкого и длинного стола молодая женщина в белом переднике и с кофшиком.

Вошли трое: Брагин со Ступиным и Васильев. Ступин с монтажником сели напротив Полосухина, а Брагин, бесцеремонно кого-то отеснив, пристроился рядом.

— Датчики внутри печки показали небольшой наклон, — словно ни к кому в отдельности не обращаясь, сказал Ступин. Все вокруг смолкли.

— Что это может означать? — спросил Полосухин.

— Либо то, что под сильным ветром сегодня увеличился вес сооружения... — хмуро начал Васильев.

— Либо то, что ваши датчики ни к черту не годятся и нечего их было в печку засовывать! — насмешливо сказал кто-то из инженеров.

— В принципе все в наших руках, товарищи! — как можно спокойнее проговорил Полосухин. — Давайте будем советовать.

Пошел негромкий разговор:

— Плохо, ветер крепчает...

— А ты представь себе этот стальной парус весом в четырнадцать тысяч тонн...

— А что нам в самом деле мешает отложить надвиг до утра, если в светлое время мы его так и не начали? — твердо спросил Брагин.

— Все в наших руках, — снова спокойно проговорил Полосухин.

— А какая разница — светлое время, темное? — высказал кто-то сомнение.

— Немаловажная! — усмехнулся Брагин. — На базе отдыха пельмени остывают!

Кто-то в предвкушении потер ладони:

— Это меняет дело!

— Не нравится мне этот ветерок, ох, не нравится! — ни на кого не глядя, но явно рассчитывая на всех, сказал Васильев.

— Ну так что? — спросил Брагин. — Перекусим маленько, а рано утрецком и начнем.

— Прошу, Вячеслав Дмитрич, — выдавил из себя Перчаткин. — Пока тут разберутся с показаниями датчиков... Прошу всех по машинам.

Все встали, и Брагин, словно поддерживая Перчаткина, крепко взял его за руку выше локтя и, может, впервые за многие месяцы посмотрел на него с открытым дружелюбием...

И непробиваемый обычно Перчаткин, тоже вдруг словно что-то почувствовал теплое.

* * *

Веденин с Петром Игнатьевичем смотрели в окошко тепляка, как рассаживается по машинам многочисленное начальство.

— Обещал я тебе? — спросил у монтажника Веденин.

— А я уже, Фадеич, переобулся! — вместо ответа сообщил тот и качнулся с носка на пятку, словно пробовал, крепко ли стоит на земле. — Мальчишку берем с собой... пусть посмотрит, это не каждый день!.. Все, Фадеич, пора!

И вот уже Петр Игнатьич стоит посреди притихшей площадки и словно прислушивается и к себе самому, и к чему-то, что происходит вокруг, и к чему-то, что только еще должно произойти... Сейчас он похож на опытного дирижера, на старого хорового регента...

Взмах левой, в сторону домны, и монтажники, не торопясь, убирают стопоры, которые не давали ей стронуться...

Взмах правой, в сторону лебедок, и тросы легонько вздрагивают и постепенно начинают натягиваться...

Тихо-тихо вокруг.

И вдруг над толпою, которая стоит совсем рядом с печкою, разом взлетает вверх большой меховой треух и кто-то кричит очень громко и радостно:

— Па-ашла-а-а!... Па-ашла, бра-а-атцы!..

И уже несколько десятков шапок летят вверх и слышны десятки голосов:

— Без домкратов тронулась, а?!

— Проспорил, братцы!..

— Такая машина, а как бычок на веревочке!..

Наконец-то и Максиму удалось развязать узелок на своей шапке. Стащил и бросил куда-то за себя, чуть было не сбил очки с носа доктора Райха.

— Деда, дай мне скорее денег!.. Дай денег, деда!

— Зачем тебе деньги?

Захлебываясь от возбуждения, Максим тянул руку к толпе, которая суежилась у самой полосы надвиги.

Там монтажники подкладывали под ролики, на которых скользила печь, медные и серебряные монетки, потом выхватывали их уже с другой стороны роликов совершенно расплюснутые.

Дед растерянно похлопал себя по карманам, но его выручил Ступин. Протянул мальчишке металлический рубль.

Вдвоем шагнули поближе к роликам. Страхуя мальчишку, Ступин подождал, пока расплющится рубль и похлопал Максима по плечу.

* * *

Полосухин и Перчаткин одеваются около вешалки в небольшой прихожей банкетного зала в доме отдыха. На миг приоткрылась дверь в зал, где за уставленным яствами длинным столом было весело и шумно. В прихожую явился Брагин.

— Значит, все-таки решили побеспокоить Николая Фадеича?

— Пожалуй, это было бы нехорошо с моей стороны, если бы я не сделал попытки познакомиться с ним, — сказал Полосухин. Побывать рядом и хотя бы не справиться о здоровье... Мало ли что.

— Кто старое помянет, — примирительно развел руками Перчаткин.

(Продолжение. Начало см. в №№ от 10, 11, 13, 14, 15, 16 и

17 апреля с. г.).